

ЖАН ПОЛЬ САРТР

ОТСРОЧКА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С20

Серия «Эксклюзивная классика»

Jean-Paul Sartre

LE SURSIS
(LES CHEMINS DE LA LIBERTE II)

Перевод с французского *Д. Вальяно, Л. Григорьяна*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

Сартр, Жан Поль.

С20 Отсрочка : [роман : перевод с французского] / Жан Поль Сартр. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-093536-9

«Отсрочка» (1945) — второй роман после «Возраста зрелости» в трилогии Сартра «Дороги свободы».

Европа замерла перед лицом неминуемой войны. С ужасом осознает Матье, университетский преподаватель философии, что его личные проблемы, радости и горести уже ровно ничего не значат — как песчинки в вихре гигантской бури, которая вот-вот сметет с лица земли весь привычный ему мир. Все стало не важным — любовь, дружба, размышления. И постепенно Матье, ранее не принимавший саму идею конечности человеческой жизни, начал ненавидеть саму жизнь — мучительную «отсрочку» смертного приговора.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Editions Gallimard, Paris, 1945

© Перевод. Л. Григорьян, наследники, 2015

© Перевод. Д. Вальяно, наследники, 2015

ISBN 978-5-17-093536-9 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пятница, 23 сентября

Шестнадцать тридцать в Берлине, пятнадцать тридцать в Лондоне. Отель скучал на своем холме, пустынный и торжественный, со стариком внутри. В Ангулеме, Марселе, Генте, Дувре думали: «Чем он там занят? Ведь уже четвертый час, почему он не выходит?» Старик сидел в гостиной с полужакрытыми жалюзи, взгляд его под густыми бровями был неподвижен, рот полукруглым, как будто он вспоминал о чем-то стародавнем. Старик больше не читал, его дряхлая пятнистая рука, еще держащая листки, повисла вдоль колен. Он повернулся к Горацию Вильсону и спросил: «Который час?», и тот сказал: «Приблизительно половина пятого». Старик поднял большие глаза, добродушно засмеялся и сказал: «Жарко». Рыжая, потрескивающая, усыпанная блестками жара спустилась на Европу; жара была у людей на руках, в глубине глаз, в легких; измученные пеклом, пылью, тревогой, все ждали. В холле отеля ждали журналисты. Во дворе ждали три шофера, неподвижно сидя за рулем своих машин; по другую сторону Рейна неподвижно ждали в холле отеля «Дрезден» долговые пруссаки, одетые во все черное. Милан Глинка больше ничего не ждал. Не ждал с позавчерашнего дня. Позади был этот тяжелый черный день, пронзенный молниеносной догадкой: «Они нас бросили!»

Потом время снова начало течь как попало, нынешних дней как бы не было. Они стали только завтрашним днем, остались только завтрашние дни.

В пятнадцать тридцать Матье еще ждал на кромке устрашающего будущего; одновременно с ним, начиная с шестнадцати тридцати, Милан лишился будущего. Старик встал и благородным подпрыгивающим шагом с негнушимися коленями пересек комнату. Он сказал «Господа!» и приветливо улыбнулся, потом положил документ на стол и пригладил листки кулаком; Милан стоял у стола; развернутая газета покрывала всю ширину клеенки; он прочел в седьмой раз:

«Президенту республики и правительству ничего не оставалось, как принять предложения двух великих держав по поводу будущего положения. Мы вынуждены были смириться, ибо остались в одиночестве». Невилл Гендерсон и Гораций Вильсон подошли к столу, старик повернулся к ним, у него был беззащитный и обреченный вид, он сказал: «Больше ничего не осталось». Смутный шум проникал через окно, и Милан подумал: «Мы остались одни».

Тонкий мышинный голосок пискнул на улице: «Да здравствует фюрер!»

Милан подбежал к окну: «Ну-ка подожди! — закричал он. — Подожди, пока я выйду!»

За окном кто-то улепetyвал, шлепая галошами; в конце улицы мальчишка обернулся, порылся в переднике и поднял руку, размахиваясь. Потом послышались два резких удара в стену.

— Маленький бродячий Либкнехт, — усмехнувшись, сказал Милан.

Он высунулся в окно: улица была пустынной, как по воскресеньям. Шёнхофы на своем балконе вывесили красно-белые флаги со свастикой. Все ставни зеленого дома были закрыты. Милан подумал: «А у нас нет ставен».

— Нужно открыть все окна, — сказал он.

— Зачем? — спросила Анна.

— Когда окна закрыты, то бьют стекла.

Анна пожала плечами:

— Как бы то ни было... — начала она.

Их пение и вопли доносились невнятными волнами.

— Эти всегда тут как тут, — сказал Милан.

Он положил руки на подоконник и подумал: «Все кончено». На углу улицы появился тучный мужчина. Он нес рюкзак, тяжело опираясь на палку. У него был усталый вид, за ним шли две женщины, сгибаясь под огромными тюками.

— Егершмитты возвращаются, — не оборачиваясь, сказал Милан.

Они бежали в понедельник вечером и, видимо, пересекли границу в ночь со вторника на среду. Теперь они возвращались с высоко поднятой головой. Егершмитт подошел к зеленому дому и поднялся по ступенькам крыльца. На сером от пыли лице играла странная улыбка. Он стал рыться в карманах куртки и извлек ключ. Женщины поставили тюки на землю и следили за его движениями.

— Возвращаешься, как только опасность миновала! — крикнул ему Милан.

Анна живо остановила его:

— Милан!

Егершмитт поднял голову. Он увидел Милана, и глаза его сверкнули.

— Возвращаешься, как только опасность миновала?

— Да, возвращаюсь! — крикнул Егершмитт. — А вот ты теперь уйдешь!

Он повернул ключ в замке и толкнул дверь; женщины пошли за ним. Милан обернулся.

— Подлые трусы! — буркнул он.

— Не надо их провоцировать, — сказала Анна.

— Это трусы, — повторил Милан. — Подлое немецкое отродье. Еще два года назад они нам сапоги лизали.

— Не важно. Не стоит их провоцировать.

Старик кончил говорить; его рот оставался полуоткрытым, как будто он молча продолжал излагать свои суждения по поводу сложившейся ситуации. Его большие круглые глаза наполнились слезами, он поднял брови и вопросительно посмотрел на Горация и Невилла. Те молчали. Гораций резко отвернулся; Невилл подошел к столу, взял документ, некоторое время рассматривал его, а затем недовольно оттолкнул. У старика был сконфуженный вид; в знак бессилия и чистосердечности он развел руками и в пятый раз сказал: «Я оказался в совершенно неожиданной ситуации; я надеялся, что мы спокойно обсудим имевшиеся у меня предложения». Гораций подумал: «Хитрая лиса! Откуда у него этот тон доброго дедушки?» Он сказал: «Хорошо, ваше превосходительство, через десять минут мы будем в отеле «Дрезен».

— Приехала Лерхен, — сказала Анна. — Ее муж в Праге; она беспокоится.

— Пусть она придет.

— Ты считаешь, что ей будет спокойнее с таким сумасшедшим, оскорбляющим людей из окна, как ты... — усмехнулась Анна.

Он посмотрел на ее тонкое спокойное осунувшееся лицо, на ее узкие плечи и огромный живот.

— Сядь, — сказал он. — Не люблю, когда ты стоишь.

Она села, сложив на животе руки; человек потрясал газетами, бормоча: «Последний выпуск «Пари-суар». Покупайте, осталось два экземпляра!» Он так кричал, что осип. Морис купил газету. Он прочел: «Премьер-министр Чемберлен направил рейхсканцлеру Гитлеру письмо, на которое, как предполагают в британских кругах, последний должен ответить. Вследствие

этого встреча с господином Гитлером, назначенная на сегодняшнее утро, перенесена на более позднее время».

Зезетта смотрела в газету через плечо Мориса. Она спросила:

— Есть новости?

— Нет. Все одно и то же.

Он перевернул страницу, и они увидели темную фотографию, изображавшую что-то вроде замка: средне-вековая штукавина на вершине холма, с башнями, колоколами и множеством окон.

— Это Годесберг, — сказал Морис.

— Это там находится Чемберлен? — спросила Зезетта.

— Кажется, туда послали полицейское подкрепление.

— Да, — сказал Милан. — Двух полицейских. Итого шесть. Они забаррикадировались в участке.

В комнате опрокинулась целая тележка криков. Анна вздрогнула; но лицо ее оставалось спокойным.

— А если позвонить? — предложила она.

— Позвонить?

— Да. В Присекнице.

Милан, не отвечая, показал ей на газету:

«Согласно телеграмме Германского информационного агентства, датированной четвергом, немецкое население Судетской области занято наведением порядка, включая вопросы, связанные с употреблением немецкого и чешского языков».

— Может, это неправда, — сказала Анна. — Мне сказали, что такое происходит только в Эгере.

Милан стукнул кулаком по столу:

— Сто чертей! И еще просить о помощи!

Он протянул руки, огромные и узловатые, в коричневых пятнах и шрамах — вплоть до того несчастного случая он был лесорубом. Милан смотрел на руки, растопырив пальцы. Он сказал:

— Они могут заявиться. По двое, по трое. Ну ничего, посмеемся минут пять, и все.

— Они будут появляться человек по шестьсот, — сказала Анна.

Милан опустил голову, он почувствовал себя одиноким.

— Послушай! — сказала Анна.

Милан прислушался: теперь шум доносился более отчетливо, должно быть, они двинулись в путь. Он в бешенстве задрожал; перед глазами все плыло, голова болела. Тяжело дыша, он подошел к комоду.

— Что ты делаешь? — спросила Анна.

Милан склонился над ящиком, прерывисто дыша. Склонившись еще ниже, он, не отвечая, выругался.

— Не надо, — сказала она.

— Что?

— Не надо. Дай его мне.

Он обернулся: Анна встала, она опиралась на стул, у нее был вид праведницы. Милан подумал о ее животе; он протянул ей револьвер.

— Хорошо, — сказал он. — Я позвоню в Присекнице.

Он спустился на первый этаж в школьный зал, открыл окна, потом снял трубку.

— Соедините с префектурой в Присекнице. Алло?

Его правое ухо слышало сухое прерывистое потрескивание. А левое — их. Одета смущенно засмеялась. «Никогда точно не знала, где эта самая Чехословакия», — сказала она, погружая пальцы в песок. Через некоторое время раздался щелчок:

— Да? — произнес голос.

Милан подумал: «Я прошу помощи!» Он изо всех сил стиснул трубку.

— Говорит Правниц, — сказал он, — я учитель. Нас двадцать чехов и еще три немецких демократа, они прячутся в погребе, остальные в Генлейне; их окружили

пятьдесят членов Свободного корпуса, которые вчера вечером перешли границу, они согнали их на площадь. Мэр с ними.

Наступило молчание, потом голос нагло произнес:

— Bitte! Deutsch sprechen*.

— Schweinekopf!** — крикнул Милан.

Милан повесил трубку и, хромая, поднялся по лестнице. У него болела нога. Он вошел в комнату и сел.

— Они уже там, — сказал он.

Анна подошла к нему и положила руки ему на плечи:

— Любовь моя.

— Мерзавцы! — прорычал Милан. — Они все понимали, они смеялись на том конце провода.

Он привлек ее, поставив меж колен. Ее огромный живот касался его живота.

— Теперь мы совсем одни, — сказал он.

— Не могу в это поверить.

Он медленно поднял голову и посмотрел на нее снизу вверх: она была серьезная и прилежная в деле, но у нее, как и у всех женщин, было все то же в крови: ей всегда нужно было кому-то доверять.

— Вот они! — сказала Анна.

Голоса слышались совсем близко: должно быть, они уже были на главной улице. Издалека радостные клики толпы походили на крики ужаса.

— Дверь забаррикадирована?

— Да, — сказал Милан. — Но они могут влезть в окна или обойти дом через сад.

— Если они поднимутся сюда... — сказала Анна.

— Тебе не нужно бояться. Они могут все разметать, я не пошевелю и пальцем.

Вдруг он почувствовал теплые губы Анны на своей щеке.

---

* Пожалуйста, говорите по-немецки (нем.).

** Свиньячья морда! (нем.)

— Любовь моя, я знаю, что ты это сделаешь ради меня.

— Не ради тебя. Ты — это я. Это ради малыша.

Они вздрогнули: в дверь позвонили.

— Не подходи к окну! — крикнула Анна.

Он встал и направился к окну. Егершмитты открыли все ставни; над их дверью висел нацистский флаг. Нагнувшись, он увидел крошечную тень.

— Спускаюсь! — крикнул он.

Он пересек комнату.

— Это Марика, — сказал он.

Он спустился по лестнице и пошел открывать. Грохот петард, крики, музыка над крышами: праздничный день. Он посмотрел на пустынную улицу, и сердце его сжалось.

— Зачем ты пришла сюда? — спросил он. — Уроков не будет.

— Меня послала мама, — сказала Марика. Она держала корзиночку, в ней были яблоки и бутерброды с маргарином.

— Твоя мать с ума сошла. Сейчас же возвращайся домой.

— Она просит, чтобы вы меня не отсылали.

Марика протянула вчетверо сложенный листок. Он развернул его и прочел: «Отец и Георг совсем потеряли голову. Прошу вас оставить Марику до вечера у себя».

— Где твой отец? — спросил Милан.

— Они с Георгом стали за дверью. У них топоры и ружья. — Она серьезно добавила: — Мама провела меня через двор, она говорит, что с вами мне будет лучше, потому что вы человек благоразумный.

— Да, — сказал Милан. — Это верно. Я человек благоразумный. Заходи.

Семнадцать тридцать в Берлине, шестнадцать тридцать в Париже. Легкая растерянность на севере Шотландии. Господин фон Дернберг появился на лестни-

це «Гранд-отеля», журналисты окружили его, Пьерриль спросил: «Он выйдет?» Господин фон Дернберг держал в правой руке бумагу, он поднял левую руку и сказал: «Еще не решено, встретится ли сегодня вечером господин Чемберлен с фюрером».

— Это здесь, — проговорила Зезетта. — Здесь я продавала цветы с маленькой зеленой тележки.

— Я знаю, ты старалась, — сказал Морис.

Он послушно смотрел на тротуар и мостовую, они ведь для этого сюда и пришли. Но все это ни о чем ему не говорило. Зезетта выпустила его руку и тихо смеялась, глядя на пробегающие машины. Морис спросил:

— Ты сидела на стуле?

— Иногда. На складном, — ответила Зезетта.

— Наверно, нелегко было.

— Весной тут славно, — сказала Зезетта.

Она говорила с ним вполголоса, не оборачиваясь, как говорят в комнате больного; уже некоторое время она манерно двигала плечами и спиной, выглядела она ненатурально. Морис томился скукой; у витрины было по меньшей мере двадцать человек, он подошел и стал смотреть поверх их голов. Возбужденная Зезетта осталась на краю тротуара; вскоре она присоединилась к нему и взяла за руку... На граненой стеклянной пластинке было два куска красной кожи с красным украшением вокруг, похожим на пуховку для пудры. Морис засмеялся.

— Ты веселишься? — прошептала Зезетта.

— Туфли смешные, — сказал Морис.

На него стали оборачиваться. Зезетта шикнула на Мориса и увела его.

— А что такого? — удивился Морис. — Мы же не на мессе.

Но все же он понизил голос: люди, крадучись, шли гуськом, казалось, они друг с другом знакомы, но никто не разговаривал.

— Я уже лет пять сюда не приходил, — прошептал он. Зезетта с гордостью показала на ресторан «Максим».

— Это «Максим», — прошептала она ему на ухо.

Морис посмотрел на ресторан и быстро отвернулся: ему о нем рассказывали, это была мерзость, в 1914 году здесь буржуа пили шампанское, в то время как рабочие погибали. Он процедил сквозь зубы:

— Подонки!

Но он чувствовал себя смущенным, сам не зная почему. Он неторопливо шагал, чуть раскачиваясь; люди казались ему хрупкими, и он опасался их толкнуть.

— Возможно, — сказала Зезетта, — но все равно красивая улица, правда?

— Я от нее не в восторге, — буркнул Морис. — Ничего особенного.

Зезетта пожала плечами, и Морис стал думать о бульваре Сент-Уан. Когда он утром уходил из гостиницы, его обгоняли, посвистывая, какие-то люди с рюкзаками за спиной, склонившись над рулем велосипедов. Они чувствовали себя счастливыми: одни остановились в Сен-Дени, другие продолжали свой путь, все шли в одном направлении — рабочий класс действовал. Морис сказал Зезетте:

— Здесь мы в краю буржуа.

Они сделали несколько шагов среди запаха ароматизированного табака, потом Морис остановился и перед кем-то извинился.

— Что ты сказал? — спросила Зезетта.

— Ничего, — смущенно ответил Морис.

Он толкнул еще кого-то; все остальные преспокойно шли, опустив глаза, все равно им удавалось в последний момент разминуться, вероятно, в силу привычки.

— Ты идешь?

Но ему больше не хотелось продолжать путь, он боялся что-нибудь разбить, и потом, эта улица никуда не вела,

она не имела направления, одни прохожие шли к Бульварам, другие спускались к Сене, третьи уткнулись носом в витрины, это были отдельные водовороты, а не совместное движение, здесь как нигде чувствуешь себя одиноким. Морис протянул руку и положил ее на плечо Зезетты, стиснув сквозь ткань упругую плоть. Зезетта ему улыбнулась, она была довольна, со светским видом она жадно поглядывала окрест, мило вертела маленькими ягодицами. Он пощекотал ей шею, она захихикала.

— Морис, — сказала она, — хватит!

Он любил яркие краски, которые она накладывала себе на лицо: белую, похожую на сахар, и красивые красные румяна. Вблизи от нее пахло вафлями. Он тихо спросил у нее:

— Тебе нравится?

— Я узнаю тут все, — сказала Зезетта, блестя глазами.

Он отпустил ее плечо, и они снова пошли молча: она знала этих буржуа, они покупали у нее цветы, она им улыбалась, были и такие, кто пытался ее пощупать. Морис посмотрел на ее белую шею, и ему стало не по себе: хотелось смеяться и злиться одновременно.

— «Пари-суар»! — выкрикнул голос.

— Купим? — спросила Зезетта.

— Это тот же номер.

Люди окружили продавца и молча расхватывали газеты. Из толпы вышла женщина на высоких каблуках и в громоздкой умопомрачительной шляпке. Она развернула газету и на ходу стала читать. Лицо ее сразу осунулось, она издала глубокий вздох.

— Посмотри на нее, — сказал Морис.

Зезетта взглянула и сказала:

— Наверное, ее муж уходит.

Морис пожал плечами: казалось нелепым, что можно быть действительно несчастной в такой шляпке и в таких туфлях — как у проститутки.

— Ну и что? — сказал он. — Видать, ее муж офицер.
— Даже если и офицер, — сказала Зезетта, — его могут там прикончить, как и наших товарищей.

Морис покосился на нее:

— Сдохнуть можно с твоими офицерами. Посмотрела бы ты на них в четырнадцатом году, кого из них там прикончили?

— Может, и нет, — сказала Зезетта. — Но я думала, и среди них было много убитых.

— Убивали крестьян и таких, как мы, — ответил Морис.

Зезетта прижалась к нему:

— Морис, ты действительно думаешь, что будет война?

— Откуда мне знать? — сказал Морис.

Еще утром он был в этом уверен, и его товарищи были уверены в том же. Они бродили по берегу Сены, смотрели на вереницу подъемных кранов и землечерпалку, там были парни без пиджаков, крепыши из Женевилье, рывшие траншею для электрокабеля, и было очевидно, что скоро разразится война. В конечном счете для этих парней из Женевилье мало что изменится: они будут рыть траншеи где-нибудь на севере, под палящей жарой, под свист пуль, снарядов, гранат, как и сегодня, им грозят обвалы, падения и все прочее, сопутствующее их работе, они будут ждать конца войны, как ждали конца своей нищеты. Сандр тогда сказал: «Мы пойдем на войну, ребята. Но когда вернемся, оставим винтовки у себя».

Теперь он был больше не уверен ни в чем: в Сент-Уане война была безотлучно, но не здесь. Здесь был мир: витрины, предметы роскоши, яркие ткани, зеркала, чтобы смотреться в них, разнообразный комфорт. У людей был грустный вид, но это у них с рождения. За что они будут сражаться? Они ничего не ждут, у них все

есть. В этом было что-то зловещее — ни на что не надеяться, а только ждать, чтобы жизнь бесконечно текла, как это было с самого начала.

— Буржуазия не хочет войны, — вдруг сказал Морис. — Она боится победы, потому что это будет победа пролетариата.

Старик встал и проводил Невилла Гендерсона и Горация Вильсона до дверей. Он растроганно посмотрел на них, в эту минуту он был похож на тех стариков с изнуренными лицами, которые окружали продавца газет на улице Руаяль и газетные киоски на улице Пелл-Мелл и ничего больше не желали, кроме как конца своей жизни. Думая об этих стариках, о детях этих стариков, он сказал:

— Помимо всего прочего, вы спросите у господина фон Риббентропа, считает ли рейхсканцлер Гитлер нужным, чтобы у нас состоялась завершающая беседа перед моим отъездом, и обратите его внимание на то, что наше принципиальное согласие предусматривает для господина Гитлера необходимость ставить нас в известность о своих предложениях. Особо подчеркните мою решимость сделать все, что в человеческих силах, чтобы урегулировать спор путем переговоров, ибо мне кажется недопустимым, чтобы народы Европы, не желающие войны, были втянуты в кровавый конфликт из-за вопроса, по которому согласие в основном достигнуто. Удачи.

Гораций и Невилл поклонились, они спустились по лестнице, и церемонный, боязливый, надтреснутый интеллигентный голос еще звучал у них в ушах, Морис смотрел на нежную, дряхлую, цивилизованную плоть стариков и женщин и с отвращением думал, что нужно будет пустить им кровь.

Нужно будет пустить им кровь, это будет более отвратительно, чем раздавить улитку, но это необходи-